

"Черная Сельма (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Карида Екатерина Руслановна

Рабыня_1. Черная Сельма

Рабыня.

Рабство это...

Угнетение? Унижение? Нищета? Богатство? Стабильность, дарящая покой? Отсутствие выбора? Свобода?

Можно ли сделать из рабыни госпожу?

А из госпожи рабыню?

Новелла первая.

Черная Сельма.

Сельма родилась весной. Ее мать была уже в возрасте, и, видимо, последние роды подорвали ее здоровье. Она недолго прожила после этого, девочка осталась сиротой. Отца своего малышка Сельма никогда не знала. Впрочем, в их племени редко кто знал своих отцов, мужчины никогда и не жили со своими женщинами, так было испокон веков, так будет всегда. Женщины ее народа сильны, они не нуждаются в чьей-либо помощи или защите, чтобы вырастить потомство.

Но и женщины, и мужчины относятся друг к другу с неизменным уважением, хотя и стараются держаться подальше друг от друга. До тех пор, пока не наступит сезон любви. О, тогда наступает время жарких любовных схваток, время объятий и безумных ночей. Но сезон любви проходит, и они снова расходятся, совершенно чужие друг другу. Только иногда, встречаясь на узкой тропинке, могут поздороваться, или мужчина искоса взглянет на свое новорожденное потомство и глаза его выразят мимолетную радость. Вот, в общем-то, и все.

Сельме после смерти матери пришлось трудно, но помогли другие, соседки, тетки, ровесники. Выжила. Выжила, выросла и стала превращаться в редкостную красавицу. Она была совсем еще юной, когда ее впервые заметили и попытались взять несколько парней в сезон любви, говорили даже, что среди из них были ее сводные братья. Но те парни были еще неопытны, и Сельма отбилась и убежала. Ей повезло, рядом не оказалось матерых мужиков, а не то, пришлось бы ей нянчиться с малышом, когда сама еще толком не в девушку не оформилась.

Но тогда ей повезло. А после она научилась прятаться к началу сезона, в остальное-то время ей ничего не угрожало. Такова была жизнь в ее племени, таковы обычаи. Однако, иногда то, что кажется нам незыблемым, меняется в одночасье. Рушится привычный мир, и нам не найти уже в нем безопасного места, чтобы укрыться от надвигающейся беды.

Так случилось и с народом ее племени. В один из дней пришли белые люди, вооруженные странными палками, несущими смерть. Мужчин убили в первую очередь, пожилых и

грудничков тоже. А молодых женщин, девушек и юношей увели в рабство. Сельма и тогда сумела спрятаться. Ей опять повезло. Но видимо, все-таки надо было уйти тут же, искать себе другое место, а она не хотела уходить далеко от родных земель. Глупость, конечно.

Потому что ее выследили. Поймали в ловушку и заперли в клетке, Сельма дралась, кусалась и царапалась, как сумасшедшая. А белые люди хохотали, после того как заперли ее, предварительно связав. Хохотали, показывали пальцами, говорили что-то сальное. Она поняла, что за судьба ей уготована, потому что ее кормили хорошо и поили только чистой водой, да еще и капелькой вина. Из нее сделают рабыню. Ценную рабыню, для удовольствия какого-нибудь извращенца. Лучше смерть.

Один из белых мужчин, старший, так показалось Сельме, часами простаивал перед ее клеткой и явно любовался. Она отворачивалась, не желая никого видеть, не ела, не пила. Но голод не тетка, и в какой-то момент она не то, чтобы смирилась, но поняла, так просто уходят силы. А силы ей пригодятся, если она хочет когда-нибудь вырваться на свободу.

Сельма понимала, что всему виной ее редкостная красота. Ее проклятое великолепное, гибкое и грациозное черное тело, из-за него она и станет рабыней. Не будь она так красива, давно уже убили бы за непримиримый и непокорный злобный нрав.

Рабыни не выбирают свою судьбу. Они могут только выбрать, как вести себя в тех или иных обстоятельствах.

Разумеется, от их поведения во многом и будет зависеть их судьба. Замкнутый круг. Казалось бы, но нет.

Когда белый мужчина, ее первый хозяин, отчаялся приручить ее, он не стал портить такое прекрасное тело, а просто решил продать его на аукционе. Пусть тот, кто заплатит бешеные деньги за эту строптивую красавицу, с ней потом и мучается. Везли ее в клетке, чтобы не сбежала. Сторожили, как зеницу ока, пока не сдали с рук на руки работорговцу. Сельма измучилась по дороге от постоянного ощущения грязи, собственного унижения и ненависти. Работорговец оглядел, ее нашел изможденной психически, вялой и сильно исхудавшей. А потому не выставил на торги сразу, а неделю подержал на усиленном питании, но из клетки не выпустил, точнее, перевел в клетку побольше. В комнату с зарешеченной стеной. Мимо нее по коридору ходили люди, разглядывали, шептались, прищуривали глаза, оценивая, стоит ли он тех денег, которые работорговец хотел за нее получить. Сельме казалось, если бы толстая металлическая решетка, она убила бы их всех на месте, просто загрызла бы зубами. Но решетка была из стальных прутьев в палец толщиной, и держалась она в стене крепко. Оставалось только, приняв безразличный вид, игнорировать бесцеремонные взгляды и пошлые разговоры.

А в день торгов ее решили взбодрить. Чтобы глаза горели поярче, чтобы дышала глубоко и страстно. Чтобы ее желали сильнее, охотнее раскошелились бы за такую дикую красоту. Сельма и впрямь готова была убить их всех, но ее обездвижили, надели ошейник, знак величайшего унижения, и повели на торг.

Сам торг Сельма помнила смутно, перед самым выходом в зал ее чем-то напоили, видимо,

наркотик какой-то, сознание погрузилось в спасительное полубытьё. И что там кричали желавшие ее купить, как развивались события, она в этом практически не участвовала. Рабыни не выбирают свою судьбу. Они могут только выбрать, как вести себя в тех или иных обстоятельствах.

Ее купил пожилой мужчина. Что он извращенец, это Сельма поняла сразу. По сальному плотоядному взгляду, по трясущимся от предвкушения рукам, по глазкам, полным отвратительного желания властвовать, во что бы то ни стало. Он будет ее ломать, добиваясь покорности. Чтобы она лизала чью-то руку? Лучше смерть.

Примерно так все и было. Сначала к ней пытались применить "лечение" голодом, потом плети. А когда это не помогло, стали просто избивать кнутом и палками. Он избивал ее сам. Получал удовольствие. Правда неполное, потому что Сельма так и не подчинилась. Когда ее прекрасное черное тело покрылось незаживающими рубцами, хозяин, наконец, призадумался, а стоит ли терять деньги? Да, избивать ее приятно, но не настолько, чтобы нести такие убытки.

Снова был месяц у работорговца. Тот пришел в ужас, видя, во что превратилось великолепное тело, всплеснул руками и велел лечить и откармливать. Лечить и откармливать! А потом торги повторились снова. На этот раз ее купил странно одетый, чопорный старик. Ее снова посадили в клетку и повезли далеко-далеко. Сначала в железной повозке, потом в брюхе огромной железной лодки, потом снова в железной повозке. Там, куда ее везли, становилось все холоднее, но тот старик, что купил ее, хорошо заботился о своей собственности. И делал он это с совершенно непроницаемым бесстрастным лицом, впрочем, она вела себя так же. Словно они игнорировали друг друга. Сельме было все равно, где и от чьих рук она погибнет, но как ни странно, подобное отношение нового хозяина ей нравилось. Он не унижал ее, не бил, это уже хорошо. До чего она дошла! Теперь ей казалось, что такая жизнь очень даже приемлема, лишь бы ее не трогали. Глупая девчонка.

Дорога, в конце концов, закончилась. Они приехали в странный каменный дом, огромный, холодный. И дождь, морозящий постоянно. Замечательное унылое местечко! Но там была такая чудесная нежная зеленая-зеленая трава. Побегать бы по этой траве...

В этом огромном доме жило не слишком много народу. Но все они сбежались глазеть на Сельму. Показывали пальцами, охали. Оставалось только игнорировать их, так она и сделал, думая про себя:

- Если я не ношу на себе такую кучу тряпок, как вы, и не трещу постоянно, как взбесившаяся сорока, это еще не повод считать себя умнее. А, черт с вами, разглядывайте, мне до вас нет дела.

Но тут выяснилось, что чопорный старик вовсе не ее хозяин, она поняла это из разговоров. Столько времени просидеть в клетке рядом с белыми людьми, поневоле начнешь понимать их речь. Однако, это был удар для Сельмы, она уже приуровнилась к нему. А теперь начинать все сначала? У нее даже заныли зубы...

Сельма ушла в себя, размышляя о нерадостном будущем, и не заметила, что пришел еще один человек. Просто поняла, что разговоры стихли, и подняла голову. Станный, худощавый, невысокий, грустные красивые синие глаза смотрят с непонятным участием в ее зеленые. Этот взгляд почему-то смутил. Сельма фыкнула и отвернулась. А мужчина, новый хозяин подошел к клетке поближе и прошептал:

- Какая же ты красавица... Моя прекрасная черная госпожа. Как тебя зовут?

Если бы Сельма могла провалиться сквозь землю, она бы так и сделала. Потому что ожидала чего угодно, но не такого неприкрытого восхищения. Госпожа?! Постепенно сквозь смущение стала пробиваться злость, он что, издевается? Держит ее в клетке и называет госпожой?! Извращенец!

Только пленница собралась вывернуться, как странный хозяин улыбнулся так... так... так ласково, что она смутилась снова. А потом он ушел, и Сельма почувствовала себя без него одиноко. Странно, когда успела привыкнуть, почему так случилось, что теперь с ней будет...

Рабыни не выбирают свою судьбу. Они могут только выбрать, как вести себя в тех или иных обстоятельствах.

Ее привели в покои хозяина. Тот старик привел на цепи. Удивительно, но за время путешествия они как-то сроднились, и старик не вызывал у нее отторжения. Он делал свое дело, она делала свое дело. Он тюремщик, она заключенная. Ничего личного, просто деловые отношения, основанные на взаимном уважении. А вот хозяин, в кабинет которого ее привели, тот смущал Сельму ужасно. Поначалу она дичилась, даже скалила зубы. Пусть думает, что она опасна, пусть не подходит близко. А тот и не подходил, он просто с ней разговаривал, нежно, ласково. И смотрел. С таким восхищением и любовью...

Он читал ей стихи.

Никто и никогда не читал Сельме стихи, но они ей понравились. А еще ей все больше нравилось находиться с ним рядом. Ее каждый день приводили в кабинет, с каждым разом Сельма дичилась все меньше. А однажды настал такой день, когда она подошла к нему сама и села у ног. Хозяин, его звали Чарлз, онемел от избытка чувств, он протянул руку, и Сельма впервые позволила кому-то себя коснуться. Ошейник был снят.

Пришла весна. Ошейник был снят в тот самый день, когда она впервые подошла к нему сама Сельма перестала чувствовать себя пленницей. За те несколько месяцев, что Сельма жила у Чарлза, она снова похорошела, к ней вернулась прежняя юношеская непосредственность. Они с Чарлзом теперь много разговаривали. Вернее, в основном говорил он, а Сельма слушала, иногда вставляя реплики. Соглашаясь или нет. Больше соглашаясь, потому что он очаровывал ее нежностью прикосновений, любовью во взгляде, бесконечно трепетным отношением. А главное, он ничего не требовал взамен.

Она сама приходила и усаживалась у его ног, смотрела в глаза, потихоньку теряясь в этих синих озерах. И тогда он начинал шептать ей слова любви, называл прекрасной госпожой, черной и насквозь прекрасной. Все старался угадать ее имя, но Сельма отмалчивалась, лукаво улыбаясь. Это осталось единственной тайной между ними. Чарлз даже немного обижался, что она не хочет открывать ему свое имя.

Но ведь все тайное рано или поздно выходит на свет. Однажды, он угадал.

- Сельма, черная Сельма... - и догадка во взгляде.

- Да, - сказали зеленые глаза.

В тот день она в первый раз пришла в его объятия. Сама.

То был год невероятного счастья для нее. Она считала себя его рабыней, готова была угадывать мысли и желания раньше, чем они появятся в его голове. Ради счастья Чарлза... Ради его счастья Сельма готова была умереть, ради его счастья Сельма готова была жить. Ее место всегда было рядом. У ног хозяина. А он называл ее Сельмой, своей прекрасной госпожой, черной красавицей, зеленоглазой девочкой.

Судьба отвела им целый год безоблачного счастья. Он писал свою книгу, а она сидела у его ног. Ей первой читал свои рукописи и с трепетом ожидал одобрения. Иногда Сельме становилось смешно. Он, такой умный и образованный, ищет одобрения у нее... у дикарки. Впрочем, она давно перестала быть дикаркой, так, иногда называла себя по привычке. Теперь Сельма и не помнила своей жизни до того момента, как судьба привела ее к Чарлзу.

Но все хорошее имеет свойство заканчиваться. Закончился и этот год. А в один прекрасный день к ним пришла беда. Оказывается, у Чарлза были враги. Сельма не могла поверить, что такому мягкому и доброму человеку кто-то может желать зла. Желать его смерти. Тем более, его близкий родственник. Сводный брат. Осадил его в собственном доме. И теперь дом был совершенно пуст, вся прислуга подкуплена заранее, все разбежались кто куда. Странный старик, непонятно что за дружба связывала их с Чарлзом, застрелен. А они вдвоем заперлись в старой башне. Но это ненадолго, насколько хватит прочности решетки и старых крепостных дверей.

Перед лицом смерти Чарлз был на удивление спокоен.

- За что? - не могла представить себе Сельма.

- Видишь ли, у него слишком много долгов, а при его отвратительных привычках и стремлении ни в чем себе не отказывать, это неприятный фактор. Да и я с его точки зрения слишком зажился на этом свете. А потому, чтобы прекратить мое бесцельное существование и открыть ему дорогу к моему титулу и богатству, он нанял пару-тройку ребят, которым без разницы, чью кровь проливать. Лишь бы за это хорошо платили. Ну, или может, не пару-тройку, а десятку ребят, не знаю, Сельма... Теперь это уже не имеет значения. Все свои патроны я уже расстрелял. У меня есть тут старая шпага, но я не думаю, что она сильно поможет против их автоматов.

- Ему нужны твои деньги?

- Да, - устало ответил Чарлз.

- Так отдай.

- Все не так просто, - он грустно улыбнулся, - Да и потом, он хочет все и сразу. А для этого проще всего будет от меня избавиться. Но не бойся, моя прекрасная, тебя он не тронет. Ты бесценна.

- Чарлз, я люблю тебя. И только потому прощаю эти слова. И больше я их не желаю слышать. Если ты должен умереть, мне незачем жить.

Ну вот, старые ворота не выдержали натиска, сейчас, еще немного...

Рабыни не выбирают свою судьбу. Они могут только выбрать, как вести себя в тех или иных обстоятельствах.

Сельма встала и, глядя в его глаза спросила:

- Нам не отбиться?

- Нет, моя прекрасная госпожа, - он погладил ее по голове, - Иди уже, не дай Господь, тебя заденет шальная пуля. Я этого не переживу.

- Нет. Если тебе не спастись, то у меня есть выбор. И я не желаю увидеть твою гибель.

В этот момент ворвались бандиты, рассыпаясь по комнате. Раздались первые выстрелы. Но их встретила Сельма, заслонив Чарлза своим телом. Перед последним броском она оглянулась на него и послала улыбку, словно сказала:

- Догоняй! - как нередко говорила, когда они резвились на лужайках замка.

- Сельма!!! Сельма... - были его последние слова.

Контрольный в голову.

Когда стрельба стихла, в комнату вошел новый владелец замка.

- Что вы наделали! Черт бы вас побрал! Я же приказал ее не трогать! - заорал он, воззрившись на убитую черную пантеру.

Прекрасную, изящную, гордую. Ее дивные изумрудные глаза быстро стекленели, а по черной шелковой шерсти текла красная кровь.

- Что мы могли поделать?! Она прыгнула и заслонила его собой! Мы защищались. Вы что шутите? У нее же когти как кинжалы! А зубы! Нет уж, дураков нет!

Не все можно получить силой. Некоторые вещи остаются недоступными навсегда. Потом, уже через сутки, усиленные наряды полиции разыскивали бандитов, совершивших подлое нападение. Новый владелец замка кипел возмущением и требовал, чтобы нашли убийц его сводного брата. Грозил карами небесными. Потом. Он получил все что хотел, кроме животного, к которому был так нелепо привязан его покойный братец. Все, кроме черной пантеры по имени Сельма. Но вот же каприз судьбы, именно это животное ему теперь и хотелось получить больше всего. Его настигло странное возмездие. Раскаяние. Врезавшийся в память вид окровавленной черной пантеры, заслонившей собой хозяина, не давал ему покоя. Раскаяние и зависть. А еще он глупо ревновал к мертвецу, которого любили так сильно.